

# ВИКТОР НОСАТОВ

ФАРЬЯБСКИЙ  
ДНЕВНИК

ГОРЯЧИЕ  
ТОЧКИ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

25-летию  
ВЫВОДА  
СОВЕТСКОГО  
КОНТИНГЕНТА  
ПОСВЯЩАЕТСЯ

**Виктор Иванович Носатов**  
**Фарьябский дневник**  
Серия «Горячие точки.  
Документальная проза»

*Текст книги предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=9962966](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9962966)*

*Фарьябский дневник. Документальная проза: Центрполиграф; Москва;*

*2015*

*ISBN 978-5-227-05557-6*

### **Аннотация**

Афганская война 1979–1989 гг. – один из важнейших, переломных этапов в истории нашей страны (тогда еще звавшейся Советским Союзом) – пока еще мало освещена как в исторической, так и в художественной литературе. Повести и рассказы, вошедшие в «Фарьябский дневник», написаны участником тех драматических событий и потому особенно значительны для читателей. Художественность изложения в книге достоверно подкрепляется документами, представленными воспоминаниями советских специалистов – советников, пограничников, а также афганцев, защищавших в те годы Демократическую Республику Афганистан.

# Содержание

Об авторе	5
Слово к читателю	7
Фарьябский дневник	18
Предисловие	18
Глава I	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55



**Виктор Иванович Носатов**  
**Фарьябский дневник**  
*Документальная проза*

**Об авторе**



Носатов Виктор Иванович родился 10 марта 1953 года в колхозе «2-я Пятилетка» Алма-Атинской области Казахской ССР. В 1976 году окончил Алма-Атинское Высшее пограничное командное училище КГБ при Совете министров СССР имени Ф. Э. Дзержинского. Проходил службу в офицерских должностях на Дальнем Востоке, в Средней Азии и в Казахстане. С декабря 1981 года по март 1983 года выполнял интернациональный долг на территории ДРА. В 1980-е годы написал ряд повестей и рассказов о «неизвестной афганской войне». С 1995 года работал в книжно-журнальном издательстве ФПС России «Граница». С 1996 по 2004 год работал в Пресс-центре ФПС России. Закончил службу в должности начальника отдела центрального аппарата ПС ФСБ России. Полковник запаса. Член Союза писателей России.

## Слово к читателю

Дорогой читатель! Ты держишь в руках еще не прочитанную книгу. Но уже тревожное слово «Афганистан» вселяет надежду на встречу с документальным повествованием, несущим все новые и новые, ранее неизвестные тебе сведения, захватывающие воображение и открывающие панораму событий давно минувших дней, которые тесно связаны не только с афганской войной, но и с современностью.

Мне посчастливилось встречаться со многими участниками операций в Афганистане, беседовать с организаторами боевых действий разных уровней, знакомиться с документами, раскрывающими проведение пограничных операций в так называемой зоне ответственности, основная цель которых состояла в том, чтобы обезопасить наши южные границы и мирную жизнь людей на нашей территории, а также оказать помощь афганским властям в приграничных районах в защите, укреплении и расширении их позиций, в борьбе с военными формированиями исламской оппозиции.

В одном из своих интервью по поводу ввода пограничников в Афганистан начальник пограничных войск СССР в 1972–1989 гг. генерал армии В. А. Матросов сказал: «Реально мы стали появляться там [в Афганистане] с 1980 г., а потом и афганцы вошли во вкус: что-то не получается – они нас просят: помогите!

Мы откликнулись. Хотя тут важно выделить один момент: для пограничников интернациональная помощь была как бы вторичной. Главное, для чего они туда вводились, – обеспечить безопасность государственной границы СССР. И эту задачу знали все – от солдата до генерала» (Границы России. 1997. № 38).

Надо отдать должное: пограничники восприняли ввод их в северные провинции Афганистана с глубоким пониманием важности защиты границы и проявили себя истинными интернационалистами. Не берусь судить, как поступали военнослужащие 40-й армии, но солдаты, сержанты и офицеры пограничных войск относились к местному населению, как к своим людям, защищая их от душманов и постоянно оказывая им материальную помощь, о чем подробно и обстоятельно говорится в книге, что было признано не только администрацией демократического Афганистана, но и некоторыми руководителями на Западе. Еще когда в нашей стране ввод пограничных войск в Афганистан содержался в строжайшей тайне, премьер-министр Великобритании М. Тэтчер в одном из своих выступлений, говоря о наших пограничных войсках, находящихся в Афганистане, отметила, что пограничники лояльно относятся к населению, оказывают им всяческую помощь и тем самым достигают успеха.

Именно дружелюбным взаимодействием можно объяснить тот факт, что за всю афганскую войну пограничники потеряли всего 500 человек.

Бесчисленное количество раз пограничники ограждали местных жителей от нападения душманов, от голода и холода, вывозили их на вертолетах в более безопасные места, спасали от смерти. Многие подобные эпизоды нашли освещение в настоящей книге и ранее изданных произведениях автора об афганской войне, которую он узнал не понаслышке и рассказам из книжек, а непосредственно участвуя во многих боевых операциях, вынеся на своих плечах все тяготы и лишения войны в Афганистане.

В предисловии в книге автор делает попытку осветить ретроспективу взаимоотношений России с Афганистаном и раскрыть экспансионистскую политику англичан, стремившихся закрепить свое влияние на среднеазиатских границах Российской империи. Не вдаваясь в подробности изложения материала, на наш взгляд, главное, к чему стремился автор, — это осветить устремления и Англии, и России завладеть Афганистаном и показать нереальность выполнения такой задачи, как бы упреждая конечный исход афганской войны, подчеркивая ее бесперспективность и обреченность на неуспех.

Обращение к историческим примерам в жанре, избранном автором, важно и необходимо. Оно дает возможность проследить закономерность исторических процессов, выявить основные внешнеэкономические тенденции государств и с геополитических позиций дать оценку происходящим событиям.

В то же время субъективный подход автора затеняет глав-

ное – расстановку сил в международных отношениях западных стран и ее связь с политикой на Востоке, которая затрагивала жизненно важные интересы России, так как диктовалась не только политическими причинами, но во многом и экономическими. Этого не отрицает и сам автор, ссылаясь на замыслы императоров России.

Средняя Азия, как известно, занимала особое место во внешней политике России. Она находилась в тесной связи с ближневосточной, но если на Ближнем Востоке во второй половине XIX в. Россия стремилась решать международные вопросы преимущественно дипломатическим путем, то в Средней Азии проводила наступательную политику, которая диктовалась и политическими, и экономическими факторами.

Присоединение к России народов Средней Азии носило прогрессивный характер и сыграло положительную роль в их культурном и экономическом развитии.

Несмотря на противоречивость процесса борьбы за сферы влияния в Афганистане, Россия обезопасила среднеазиатские границы и сдерживала англичан, стремившихся завладеть среднеазиатским регионом.

Автор делает небезуспешную попытку путем введения в научный оборот ранее не опубликованных документов осветить некоторые аспекты деятельности Советского правительства по оказанию помощи афганскому режиму.

Перейдя от публицистического к художественному изло-

жению, а по сути дела, к другому жанру, автор увлекательно повествует о своем участии в выполнении боевых задач, возложенных на пограничников. Как ручеек воды постепенно превращается в полноводную реку, так интересно и увлекательно, набирая силу, обрстая все новыми подробностями, пополняется каждая глава повести. Писатель не ограничивается лишь простым изложением материала, он заново переживает увиденное, размышляет, сопоставляет факты и события, по-новому интерпретирует давно известное. В его понимании граница – это рубеж справедливости и беззакония, человеческой культуры и варварства, это и рубеж времени. Эти философские послышки заставляют читателя по-новому осмыслить ранее известное и, не ожидая, когда писатель поставит вопрос, а что же за рубежом, который пересекают пограничники, задуматься, что ждет пограничников на чужой земле.

Из книги явствует, что надежды пограничников не оправдались. Пришло разочарование. Вместо дружественной встречи с афганцами воины встретили заранее подготовленные опорные пункты, и если бы не поддержка вертолетов, то трудно предвидеть, как эта ситуация обернулась для них.

Автору удалось передать чувства необстрелянных солдат и офицеров, их волнение, трудности вхождения в обстановку, а главное, понимания, что они вступили в зону войны. Это подтвердили следы прошедших боев, разбитые машины вдоль дорог, погибшие афганцы, которых хоронили неулыб-

чивые, со злыми глазами местные жители.

Когда же вступили в зону правительственных войск Афганистана, поняли, что предстоит нелегкий ратный труд, потребуются не только мужество и смелость, но умение вести бой в незнакомой местности с коварным и хорошо подготовленным противником.

Это вскоре подтвердилось. И хотя пограничники вначале выполняли лишь ограниченные задачи по охране аэродрома и других объектов, они постоянно находились под обстрелом, подвергаясь нападению душманов, и одновременно адаптировались к боевым действиям. Это сплачивало воинов, еще больше приблизило их к офицерам. Взаимная выручка, глубокая привязанность друг к другу, изменившиеся отношения солдат и офицеров создали ту дружескую атмосферу, в которой коллектив воинов представлял единое целое. Этому способствовала постоянная партийно-политическая работа, другие мероприятия, проводимые с личным составом подразделений.

Интерес представляют авторские оценки событий, происходящих в провинциях Афганистана, отношения местного населения к проводимым афганским правительством реформам. Описываются конфликты местного населения с правительственными войсками.

Значительное место в книге занимает материал, освещающий ход боевых действий, из содержания которого можно сделать вывод о том, что пограничники в короткие сроки

освоились с обстановкой, изучили тактику душманов, умело вели себя в бою. Книга раскрывает и духовный мир воинов, представляет их переживания и мысли, из которых видно, что к выполнению интернационального долга они относились, как к святому делу. Это подтверждается многочисленными примерами, описанными автором в ярких красочных зарисовках с исключительной любовью к воинам и вниманием к их духовным качествам.

Автор не скрывает и тех негативных сторон, которые проявлялись в соседних армейских подразделениях. Свои наблюдения он подтверждает примерами из жизни личного состава роты, охранявшей аэродром.

Значительное место в книге уделено анализу взаимоотношений пограничников с местной администрацией и правоохранительными органами. На убедительных примерах автору удалось показать поляризацию политических группировок и довольно убедительно охарактеризовать многих представителей различных кланов, показать сложности борьбы, закулисные игры авторитетов.

Знакомясь с примерами, ярко и доходчиво характеризующими взаимодействие пограничников с местным населением северных провинций Афганистана, убеждаешься в том, что добрые отношения, которые несли с собой воины, способствовали изменению взглядов жителей афганских кишлаков на пограничников, а в ряде случаев своевременная помощь со стороны афганцев сыграла важную роль в осу-

ществлении намеченных операций против бандформирований.

Необходимо отметить, что «Фарьябский дневник» вследствие дополнения авторского текста выдержками из дневников и воспоминаниями советников царандоя и ХАД, посланцев ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ, пограничных генералов приобретает еще большую познавательность и историческую достоверность. По сути дела, это на сегодня единственная достаточно полная документальная повесть, освещающая всестороннюю деятельность не только силовых подразделений, но и всего советнического аппарата в отдельно взятой афганской провинции.

Особо следует сказать о рассказах и небольших повестях, которые включены в книгу. Они написаны в разное время, но их объединяет одно: все они – о людях, избравших профессией защиту Родины. Они отличаются друг от друга по своему художественному замыслу, объему и, естественно, содержанию и раскрывают ту или иную сторону событий, связанных с нелегкой пограничной службой, которая в любую минуту может потребовать от офицера самого дорогого – жизни. Их достоинство состоит в том, что автор с большой любовью и старанием стремился показать духовный мир людей и даже спрогнозировать их возможный жизненный путь в том случае, если бы они остались в живых.

Писатель стремится к тому, чтобы увязывать пережитое и увиденное в войне с последующими событиями, вызвать

у читателя не просто интерес, но заставить обдумать прочитанное, поразмыслить о бренности судеб человеческих и еще раз взглянуть на окружающую действительность и восстановить в памяти свои прожитые годы, посмотреть в будущее и задать себе вопрос: а все ли я делаю – по совести – для своей Родины, своего Российского отечества?

Эти мысли возникнут и при прочтении короткой повести «Только он не вернулся из боя...», где в центре внимания поведение в экстремальных условиях рядового Федирко и офицера Аркадия Волкова, которые были едины в бою и понимали друг друга с полуслова. Автор, умело опираясь на знание психологии, создал портрет пограничников, который убеждает читателя в достоверности изображаемых событий. Перед нами проходит ряд боевых эпизодов, раскрывается высокий профессионализм пограничников, их смекалка, умение оценить обстановку и принять наиболее целесообразное решение.

Раскрывая духовные качества воинов, автор убеждает читателя в том, что их подвиг – это результат той воспитательной работы, которая существовала в период советской действительности, это результат осознанного понимания каждым пограничником боевой задачи, а порыв, бросок на открывших ураганный огонь душманов – следствие верности воинскому долгу и военной присяге.

Повесть как бы ведет читателя все дальше и дальше, через ранение героя, прожитые им трудности и невзгоды, показы-

вает его разносторонний талант, его гражданскую позицию после увольнения из армии, но затем приходит неожиданный финал: оказывается, герой погиб ранее, а все последующее – вымысел писателя. Так неожиданно и просто, но в то же время так тяжело. И невольно задумываешься: погибает человек, и вместе с ним уходит в небытие целый мир. После этого как-то по-другому воспринимаешь нынешнюю действительность, когда человеческая жизнь все больше и больше обесценивается.

С большим интересом читается рассказ о том, как советские воины по просьбе местных жителей вспахали на боевой машине огромное поле. Здесь зримо и убедительно просматриваются два мира, два образа жизни. С одной стороны – соха (железных плугов не было), с другой – современный бронетранспортер. С одной стороны – доведенные до отчаяния войной афганцы, с другой – «шурави», пришедшие сюда, «чтоб землю в „Афгане“ крестьянам отдать».

Только такими примерами советские воины могли убедить дехкан в том, что они их друзья, а это на войне едва ли не самый решающий фактор в борьбе с оппозицией. Так советские воины не на занятиях, а на деле познавали чувство истинной дружбы и интернационализма. И когда боевики хотели напасть на советскую базу, то местные жители удержали душманов от этого шага, мало того, заставили их сдаться.

Значительное место в книге посвящено рассказам о защи-

те местного населения от душманов; о разминировании населенных пунктов; о том, как постепенно происходил перелом в сознании местного населения по отношению к советским воинам. С интересом читаются строки рассказа «Сахиб», в котором писатель рассказывает о зарождении дружбы пограничников с личным составом царндоя.

Рассказ посвящен афганскому офицеру оперативного батальона капитану Сахибу, с которым автор случайно встретился, а затем и подружился. Это дало возможность писателю проникнуть во внутренний мир афганского офицера, познакомиться с его жизненным путем, который начался с тяжелого крестьянского труда. А русскому капитану через дружбу с Сахибом удалось лучше познать жизнь и характер афганцев, понять их духовный мир и причину их активного выступления против душманов.

*Юрий Кисловский*

*доктор исторических наук, академик МАИ, профессор*

# Фарьябский дневник (Дни и ночи Афгана)

## Предисловие

До чего же порой непредсказуемые фортели выкидывает старушка-история, лишь только начнешь попристальней рассматривать дела давно минувших дней. Удивительно, но факт, что между событиями, происходящими в Афганистане на протяжении нескольких последних столетий, и присутствием там российских полпредов прослеживается самая что ни на есть трагическая связь. Впрочем, не будем забегать вперед – история любит последовательность и точность изложения, и не нам менять нрав этой привередливой, но беспристрастной дамы...

Пройдет еще не один десяток лет, прежде чем ученые поставят последнюю точку в исследовании происхождения афганских войн, а также посильного участия в них России, а затем и СССР. Хотя многие уже сегодня хотят получить ответ на вопросы «кто виноват?» и «что делать?», имея в виду войну 80-х гг. прошлого столетия. Ответы на эти вопросы звучат зачастую самые противоположные, все зависит от того, чьи уста их произносят. Кабинетные исследователи говорят

и пишут одно, а те, кто смерти в лицо смотрел да пыль афганских дорог глотал, – совсем другое. Кто же из них прав? Правы и те и другие, потому что каждый видит Афганистан со своей колокольни, зачастую анализируя российско-афганские отношения лишь нескольких последних десятилетий. Всестороннее же осмысление еще не вполне окончившейся войны (а это ярко иллюстрируют трагические события, происходящие в Афганистане и на таджикско-афганской границе до сих пор) требует от каждого, желающего докопаться до истины, самого досконального изучения причинно-следственных связей, приведших к ней. Изучение это должно идти вглубь и вширь.

Вглубь – в специфику афганских дел, нашего понимания этой страны, ее истории, особенностей национального характера. Ведь это наш сосед на веки веков, а соседей, как говорится, не выбирают.

Вширь – в нашу собственную давнюю и недавнюю историю, подход к мировым делам, теорию, практику и этику внешнеполитической деятельности.

Без всего этого мы уподобимся человеку, который, поскользнувшись и ушибив при падении голову об угол дома, начинает бешено колотить этот злосчастный угол кулаками, вместо того чтобы посыпать скользкое место песком. Ибо нашей реальной проблемой в 1979 г. был не Афганистан, а мы сами.

При серьезном анализе восточных архивов не вызывает

сомнений тот факт, что «индийской мечте» не два века от роду, а гораздо больше, что у нее довольно глубокие корни. Вспомнить хотя бы известные со времен Древней Руси предания о «велицей реце Ганге, яже из Рая течет», о сказочном Индийском царстве, праведном, изобильном, чудесном, где «нет ни вора, ни разбойника, ни завистливого человека, потому что земля полна всякого богатства».

Так уж получилось, что изначально Афганистан оказался на пути имперских устремлений России к Индийскому океану. Деловой интерес к далекой и сказочно богатой Индии со стороны главных российских купцов – царей начал проявляться еще в XVII в. Уже тогда Московия стремилась к постоянной, систематической связи со странами Востока.

Торговый представитель Швеции в Москве Иоганн де Родес предлагал боярину Милославскому, тестю царя Алексея, организовать кампанию из крупных европейских коммерсантов, которая, пользуясь русским путем, завладела бы не только всей персидской торговлей шелком-сырцом, но и долей торговли с Индией и Китаем. Лишь беспокойная обстановка в государстве Российском не позволила купцам осуществить свои замыслы.

Вплотную к воплощению идеи де Родеса российское купечество подошло лишь в период правления Петра Великого. Только-только провозглашенная империя нуждалась в новых землях и товарах. Поход Петра I, осуществленный на нескольких судах по Каспию из Астрахани к персидскому

побережью, наряду с другими целями, преследовал и такую, как проведение рекогносцировки, результаты которой император намеревался использовать при подготовке индийского похода. По сохранившимся сведениям, в беседе с морским офицером Соймоновым 27 июля 1722 г. его величество в следующих словах объяснил ему политическую цель грандиозной Каспийской операции: «Был ты в Астрабадском заливе? Знаешь ли, [что] от Астрабада до Балха и Бадакшана на верблюдах только двенадцать дней ходу. Там, в сей Бухарии, сердцевина всех восточных коммерций... И видишь ты горы и берег подле оных, до самого Астрабада простирающихся... И тому пути никто мешать не может». Из этих слов явствует, что еще тогда Петр I устремлял свой пристальный взгляд вглубь территории стран Среднего Востока. Недаром уже 23 августа 1722 г. Сенат приветствовал его военные успехи на Каспийском море не иначе как вступление на «стезю Александра Великого», тем самым недвусмысленно намекая на поход последнего в Индию.

На смену этим первым, робким, так и не осуществленным попыткам похода на Восток, со временем как из рога изобилия посыпались новые проекты, один другого стоящие. Общее в них было одно – при соприкосновении с жизнью они лопались как мыльные пузыри. Вот только некоторые из них.

В 1791 г. француз де Сент-Жени предложил Екатерине II конкретный план индийского похода, который должен был начаться манифестом императрицы о восстановлении ди-

настии Великих Моголов. Поход предполагалось вести из Оренбурга через Бухару и Кабул.

В 1800 г. другой француз, на этот раз более именитый, – Наполеон, предложил императору Павлу совместную экспедицию в Индию:

«Изгнать навсегда англичан из Индостана, освободить эту прекрасную и богатую страну от британского ига, открыть новые пути торговли и промышленности – такова цель похода, достойного обессмертить первый год XIX столетия и государей тех стран, которые задумали это полезное и славное дело». Предполагалось, что русские и французские войска – всего до 70 тысяч человек, – соединившись на южном берегу Каспия, в Астрабаде, далее двинутся «через Герат, Ферах и Кандагар и скоро достигнут правого берега Инда».

Остается лишь гадать, почему этот план так и не был осуществлен, почему Павел, поначалу с энтузиазмом принявший предложение Наполеона, решил вдруг отказаться от совместных действий и рассчитывать лишь на собственные силы.

Павел самостоятельно взялся за выполнение этой идеи. В конце 1800 г. произошел разрыв дипломатических отношений с Англией, а 12 января 1801 г. атаман донских казаков Орлов получил собственноручное письмо Павла, которое гласило: «Поручаю сию экспедицию Вам и Вашему войску, Василий Петрович, соберитесь Вы с оными и выступите в поход к Оренбургу, откуда οποю из трех дорог или всеми

вместе пойдете с артиллерией прямо через Бухару и Хиву на реку Инд и на заведения английские на ней лежащие. Цель все сие разорить и угнетенных владельцев освободить и ласкою привести России в ту же зависимость, в какой они у англичан, и торг обратить к нам... Помните, что вам дело до англичан только и мир со всеми теми, кто не будет им помогать; и так, проходя их, уверяйте о дружбе России... Мимоходом утвердите Бухарию, чтоб китайцам не досталась... Войско того края такого же рода, как и Ваше, так имея артиллерию, Вы имеете полный авантаж. Приготовьте все к походу.

Пошлите своих лазутчиков приготовить или осмотреть дороги... Все богатство Индии будет вам за сию экспедицию наградою...».

Поход на Восток начался в конце февраля 1801 г. Пехоту решено было не брать, только конницу – 22 тысячи казаков и 500 калмыков при 24 орудиях. Шли быстро – по 30, по 40 верст в сутки.

«Экспедиция весьма нужна, и чем скорее, тем вернее и лучше...» – торопил император Павел...

Справедливости ради следует сказать, что идея избавить Индию от британского гнета и установить с ней торговлю принадлежала вовсе не Павлу. Его мать, Екатерина Великая, однажды «высказала в своем восторге, что она не умрет прежде, покуда не достигнет мира середины, не учредит торга с Индией или с Гангеса злато не сберет», – вспоминал Державин. Екатерина II не успела исполнить обещанное. Русские

войска, уже покорившие Дагестан и готовые идти дальше на юг, были отозваны обратно.

Однако и Павлу не суждено было осуществить индийскую мечту – не прошло и двух недель после начала похода, как император был убит заговорщиками. Правда, казаки не скоро узнали об этом и еще больше месяца продолжали движение. Шли трудно – без обозов и лазарета, даже без карт, по бездорожью, утопая в глубоких снегах и злых степных метелях, страдая от холода и бескормицы, теряя людей. Потом вдруг настала оттепель – при переправе через Волгу, провалившись под ослабевший лед, едва не погиб целый полк...

Столичные новости нагнали войска лишь на седьмую неделю похода, в середине апреля, когда в полках, буквально валившихся с ног от усталости и истощения, уже поднимался глухой ропот. Если верить свидетельству атамана Платова, казаки все громче ворчали, что-де «всем нам сложить здесь свои головы», и уже открыто «отказывались идти далее», подумывая даже «передаться туркам». И еще неизвестно, как бы все закончилось, не настигни их курьер с известием о смене царствования и приказом поворачивать обратно.

Неудивительно, что эту неудачную экспедицию обычно величают «авантюрой» императора Павла. Даже расположенные к нему историки полагали индийский поход предприятием, «очевидно нелепым и безвредным для британского могущества». Впрочем, и первоначальный проект завоевания Индии, предложенный Наполеоном, также расцени-

вался многими специалистами как абсолютно нереальный.

Советский историк С. Б. Окунь высказывал, однако, и противоположную точку зрения: «Нельзя не признать, что по выбору операционного направления план этот был разработан как нельзя лучше. Этот путь являлся кратчайшим и наиболее удобным. Именно по этому пути в древности прошли фаланги Александра Македонского... Учитывая небольшое количество английских войск в Индии и помощь индусов, на которую рассчитывали, следует также признать, что и численность экспедиционного корпуса была вполне достаточной».

А известный французский писатель Л. Жаколио, в свое время изъездивший всю Индию, рассказывал, что даже через полвека после событий 1801 г. здесь можно было увидеть бережно хранимые портреты Павла и Наполеона, от которых, по мнению индийцев, зависело освобождение их родины от британского ига: «Несомненно, что атака франко-русской армии изгнала бы англичан из Азии».

Да и сами британцы всегда воспринимали эту угрозу более чем серьезно, так что каждое известие о русских успехах на Востоке принималось в Лондоне крайне болезненно. И так ли уж беспочвенны были ходившие после убийства Павла слухи, что устранение императора было в интересах англичан, не жалевших на это золота, и что корни заговора следует искать по ту сторону Ла-Манша...

Индийский поход 1801 г. так и остался единственным –

после его провала сама эта идея окончательно перешла в разряд пустых мечтаний.

И все-таки, несмотря на неудачно начавшийся поход Павла, Наполеон, который никак не хотел отказаться от идеи индийского похода, прислал в 1808 г. в Петербург своего эмиссара Коленкура для дальнейшей пропаганды своего проекта уже при дворе Александра I. Однако русское правительство, охотно соглашавшееся с этим предложением теоретически, пошло на попятную, лишь только дело потребовало практических шагов. Император не хотел ухудшать отношения с Англией, которая всегда была основным потребителем русского хлеба.

С приходом к власти Николая I отношения с Британией начали резко ухудшаться. С этого времени судьбы двух соседних государств – России и Афганистана переплетаются самым теснейшим образом. Являясь своеобразным буфером между двумя империями, Афганистан просто не мог сохранять нейтралитет, и судьба целого народа зависела порой от симпатий или антипатий афганских правителей к России и Англии.

Проводя изошренную политику в отношении стран Ближнего Востока, Николаю удалось натравить персов на афганцев, за спиной которых стояли англичане, и в результате начавшейся в 1837 г. войны город Герат был подвергнут осаде. Персидский шах лично присутствовал среди осаждающих, а вокруг него плели бесконечные интриги английские и рус-

ские послы.

Эмир Дост-Мухаммед, который до столкновения с персами придерживался англофильских взглядов, видя, что британский посол Бернс постоянно увильивает от прямого ответа на вопрос о военной помощи в войне с Персией, решил принять русского посланника Виткевича, который уже продолжительное время жил в Кабуле в ожидании аудиенции.

Выслушав просьбу эмира, Виткевич начал налево и направо раздавать обещания о финансовой и военной помощи. Это привело к тому, что Россия приобрела широкую популярность в Афганистане. Но в самую критическую минуту, когда эмиру потребовалась незамедлительная помощь России, царское правительство позорно предало доверившийся ему Афганистан, отдав его на съедение англичанам.

Маленькая страна была ввергнута в кровопролитную войну, Дост-Мухаммед бежал в Кундуз. Английский экспедиционный корпус победоносно вступил в Кабул.

Захватив важнейшие перевалы и крупнейшие города, англичане думали, что теперь они закрепились в Афганистане навечно, но не тут-то было, они не учли главного – характера горцев, их свободолюбия, которое в свое время испытали на себе грозные воины Александра Македонского. Уже на второй год оккупации они на себе почувствовали всю абсурдность своей затеи.

Вот что писал молодой британский офицер из Кандагара в августе 1840 г.: *«Скоро будет три года, как индийская армия*

*отправилась из Фироспура для завоевания этой несчастной страны. Шах Шуржа [ставленник англичан вместо сбежавшего Дост-Мухаммеда] должен был вступить на престол отцов своих, и войско должно было возвратиться потом в Индию. Дело кончено вот уже два года, а мы все еще здесь, правительство не может не нести огромных издержек, с которыми сопряжено занятие Афганистана. Но можем ли мы возвратиться? Кругом во всей стране с каждым днем увеличивается беспокойство. Хайберы, гильджи и дурани взяли за оружие, на посты наши делают нападения, солдат наших убивают перед нашими глазами. Можем ли мы оставить Афганистан в таком положении и, с другой стороны, переменится ли оно и успокоится ли страна? Никогда, по крайней мере мы до этого не доживем. Не могу сказать вам, как ненавидит нас народ, всякий, кто убьет европейца, считается святым. Еще недавно было несколько таких убийств. Мы не можем, не должны здесь оставаться. Мы должны возвратиться, хотя бы с уроном нашей чести...*

[Предчувствия автора сбылись меньше чем через полгода: ] *Только один знатный британец, тяжело раненный, достиг крепости, на стенах которой трубачи играли беспрестанно мелодии шотландских национальных песен – сигнала для блуждающих по снегам соотечественников. Но тщетны были эти мелодии, на зов их не шли британцы...».*

Так бесславно погибло на чужбине 17-тысячное англий-

ское войско.

Бесславно закончилась жизнь и первого официального посланника России в Афганистане – Виткевича. «Как известно, Виткевич покончил с собою, прибыв в Петроград и найдя в нем холодный прием, – писал известный русский востоковед А. Е. Снесарев. – Англичане злорадно передают, что граф Нессельроде будто бы не принял представившегося Виткевича и приказал ему передать, что „поручика Виткевича не знает, слышал лишь о каком-то авантюристе Виткевиче, который в последнее время был занят разными интригами в Кабуле и Кандагаре, не имея на них никаких полномочий“».

Следующая русская миссия посетила Кабул лишь через 41 год. Этому предшествовал целый ряд важных политических событий – в связи с Севастопольской кампанией, в которой Англия принимала участие на стороне Турции. Тогда среди господствующего класса России вновь оживилась агитация в пользу индийского похода. Ряд русских генералов представили государю на утверждение несколько проектов похода, наиболее перспективным из которых был план генерала М. Д. Скобелева. По повелению Александра II он разработал основные концепции кампании, которые в дальнейшем стали краеугольным камнем планирования боевых действий на восточном театре военных действий.

В 1878 г. по разработкам и рекомендациям генерала Скобелева была предпринята действительная попытка, которая

должна была служить подготовительной операцией для военных действий против Афганистана и Индии. «Но именно тогда уже обнаружались трудности, которые предстояло преодолеть при этом предприятии, не исключая и того, что собранных тогда двадцати тысяч человек было недостаточно для осуществления этого похода», – говорится в «Сведениях, касающихся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом», подготовленных Генерального штаба полковником Грулевым в 1900 г.

В одном из разделов этого документа, озаглавленном «Значение Афганистана в Русско-Английской борьбе», изложены основные мысли и предложения генерала Скобелева: *«Во всей этой борьбе поведение афганского эмира будет иметь весьма важное, если не решающее значение. Если, например, правитель Афганистана вздумает оборонять проходы и долины Кабула против наступления английских войск и если он вызовет при этом восстание горных племен Кафиристана, то задача англичан будет затруднена до крайности; и наоборот, если эмир примкнет к англичанам против русских и закроет этим последним Бамианский проход и другие перевалы Гиндукуишские, то русским, пожалуй, вся эта операция представится очень трудной, чтобы напрягать усилия в горных теснинах при перспективе дебуширования [развертывания войск на глазах у противника] в виду сосредоточения англо-индийских войск.*

*Не подлежит сомнению, что в борьбе между Россией и*

*Англией и боевые силы Афганистана, несмотря на их азиатские свойства, приобретут выдающееся значение. Трудно указать на численность афганских войск, которая не может быть известной с той же точностью, как силы европейских государств, но какова ни была бы численность афганских войск, важно то, что в предполагаемой войне с обеих сторон действующие войска будут участвовать небольшими корпусами и отрядами. Поэтому присоединение афганских войск к той или другой из борющихся сторон окажет существенное влияние на ход действий.*

*Та сторона, которая выйдет победительницей сначала в дипломатической борьбе, будет клонить и к решительным боевым действиям...».*

Согласно этим рекомендациям, в августе 1878 г. была принята попытка возобновить отношения с Афганистаном. В Кабул выехал генерал Столетов, отличившийся на поле брани во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., но явно не блиставший дипломатическим дарованием. По случайному совпадению, Столетов выехал из Ташкента как раз в день открытия Берлинского конгресса, который закреплял новый передел мира. Не успело посольство доехать до Кабула, как им была получена ташкентская почта, извещавшая об окончании работы конгресса. Генерал-губернатор Туркестанского края Кауфман советовал Столетову воздержаться от каких бы то ни было решительных мер и даже пустых обещаний.

11 августа посольство «Белого царя» на слонах въехало в Кабул. Почести, оказанные миссии в столице произвели впечатление даже на выдавшего виды генерала. «Как хотите, а это чисто царская встреча», – не скрывая своего восторга, ликовал Столетов.

Через несколько дней после того как русские прибыли в Кабул, англо-индийское правительство известило эмира об отправлении в столицу своего посольства во главе с Н. Чемберленом.

Эмир Шир-Али-хан обратился за советом к Столетову, который, нисколько не задумываясь о последствиях, рекомендовал не принимать англичан. Тут же от имени России он надавал щедрых обещаний о финансовой и военной помощи в случае нападения англо-индийских войск. Однако возможность прибытия в Кабул англичан так напугала braveго генерала, что он решил немедленно обратиться в бегство, не разрешая своим спутникам брать никаких выюков, и в десять дней был уже на границе.

Верный своему слову эмир так и не пустил английскую миссию в Кабул. Чемберлен, потерпев фиаско, вернулся в Пешевар.

2 ноября, по настоянию Лондона, Шир-Али-хану был направлен ультиматум с грозным предупреждением, что в случае нового отказа в приеме посольства будут открыты военные действия. Полагаясь на заверения Столетова о поддержке Россией антианглийского курса Афганистана, эмир отве-

тил на ультиматум пренебрежительным молчанием. Англия объявила войну. Говоря о причинах, ее побудивших, британский фельдмаршал Робертс, не без остроумия, замечал: *«Поучительно обратить внимание, как замечательно схожи были обстоятельства, приведшие к первой и ко второй афганской войне, то есть присутствие русских офицеров в Кабуле»*. Это довольно-таки меткое наблюдение английского полководца, по-моему, осталось актуальным и в наши дни.

В критическое для Афганистана время, когда англо-индийские войска шли на Кабул, эмир вместо конкретной помощи получал одно за другим письма за подписью Кауфмана. Вот содержание одного из них:

*«Считаю нужным уведомить Ваше Высочество, что англичане, как мне точно известно, намерены сделать новую попытку примириться с Вами. Со своей стороны, я, как друг Ваш, думая о будущем, советую Вашему Высочеству, если англичане, как я уверен, сделают шаг к примирению, дать им ветвь мира»*.

Вот уж поистине, как говорится в известной афганской пословице, дружба сильного со слабым, что дружба погонщика с ослом.

А британцы, захватив Кабул и все ключевые дороги и перевалы, то и дело проводили карательные операции, чтобы хоть на время очистить прилегающие к столице ущелья от повстанцев. Горцы вновь показали свои когти и зубы.

За сотню лет до начала еще более кровопролитной аф-

ганской войны, в конце 1879 г., командующий сильно поредевшим экспедиционным корпусом генерал Робертс, не выдержав постоянных нападений повстанцев, спешно покинул осажденный со всех сторон Кабул. Немало сил и средств пришлось затратить, прежде чем столица была захвачена вновь.

*«Я не вижу причин, – писал Робертсу вице-король Индии лорд Литтон в начале 1880 г., – почему бы нам не следовало тотчас по прибытии в Кабул заняться приготовлением нашего ухода из этой мышеловки».*

До конца 1880 г. продолжалась вторая англо-афганская война. Только после полного поражения под Кандагаром, когда афганская армия перестала существовать, над горами воцарился недолгий относительный мир. Британский ставленник Абдурахман-хан полностью подчинившийся воле вице-короля Индии, ни в какие сношения с соседними странами больше не вступал.

Занятие русскими войсками Мерва в 1884 г. вызвало в правительственных кругах Великобритании большую тревогу, поскольку этот расположенный на пересечении множества караванных путей город был, по сути дела, ключом к торговле с Востоком. Англичане начали военные приготовления. Через год между Россией и Англией вспыхнул очередной конфликт, в который вновь был втянут Афганистан. Конфликт этот завершился вооруженным столкновением русских и афганских войск и занятием Кушки гене-

ралом Комаровым. В который уже раз «козлом отпущения» оказался Афганистан, лишившийся Пендинского оазиса.

Все это, в конечном и целом, привело к тому, что у афганцев сложилось вполне устоявшееся мнение в отношении к своему северному соседу. Ненависть правящих кругов к России была настолько сильна, что «присланного генералом Ивановым туземца с письмом эмиру Хабибулле, сыну и наследнику Абдурахман-хана, пришлось взять под свое покровительство, так как присутствующие на дурбаре афганцы хотели предать его смерти».

В дальнейшем ни попытки генерал-губернатора Иванова, ни другие какие-либо действия русского правительства, направленные на урегулирование торговых и других отношений с Афганистаном, ни к чему не привели. Но это не говорит о том, что афганская карта была выброшена из колоды имперских устремлений России на Восток. Совсем нет. Вместе с другими козырными картинками она придерживалась до поры до времени, чтобы в удобное время, вместе с другими, быть выложенной на стол для окончательного разгрома противника.

Империя, подчиняясь закону самосохранения, должна или расширяться (что неуклонно продолжалось на протяжении вот уже нескольких столетий), или распадаться.

Другого не дано. Вследствие этого к концу XIX в., забрав под свою руку земли Дальнего Востока и Сибири, император бросил войска на покорение Хивы, Бухары и Коканда, тем

самым значительно расширив границы государства.

Несмотря на всяческие препятствия, чинимые англичанами, на очереди скоро вновь стал Афганистан. И деятельность по вовлечению этой свободолюбивой страны в лоно Российской империи велась не только в торговой или военной областях. Правительственные эмиссары, большие и маленькие, с помощью подкупленной азиатской знати пытались перетянуть на свою сторону если не народ полностью, то хотя бы племя или род. И это зачастую им удавалось.

Наиболее характерным примером такой политики является обращение ста туркменских старшин и родовых авторитетов к Белому царю с тем, чтобы он взял под свое покровительство земли туркмен, находящиеся по обе стороны Амударьи, в том числе и относящиеся к северным провинциям Афганистана. Только подписание Конвенции 1907 г. о разделе сфер влияний на Востоке не позволило России взять в свое подданство афганских туркмен.

Дальнейшему освоению Востока помешала революция 1917 г., которая, разрушив символы империи и упразднив ее структуру, тем не менее не смогла уничтожить главного – имперских амбиций, которые вскоре перекочевали из кабинетов и собраний политиков в политизированные умы масс.

К первой четверти XX в. фантазий и прожектов покорения восточных земель было сочинено и опубликовано предостаточно. Вслед за Пушкиным, объявившим, что рано или поздно «сбудется для нас химерический план Наполеона в

рассуждении завоевания Индии», о том же грезились и другим русским авторам, в частности Ивану Бунину с его вечной тоской по общей арийской Прародине, с его пожизненной тягой в Индию, где «обитали наши пращуры», где любой из нас может испытать «сильное, живое чувство первобытного, теплого, райского».

Многие из них в своих утопических романах рубили окно в Азию и омывали сапоги в Индийском океане, предварительно утопив в нем ненавистных англичан.

Возможно, подобные книжки в детстве были любимым чтением наших будущих революционеров. Во всяком случае летом 1919 г., в разгар Гражданской войны, Троцкий сочинил секретный меморандум, в котором предлагал радикально изменить направление революционной экспансии с Запада на Восток и начать «подготовку военного удара, на помощь индусской революции», срочно сформировав «конный корпус (30 000-40 000 всадников) с расчетом бросить его на Индию», поскольку-де «международная обстановка складывается так, что путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии».

План Троцкого, как известно, не был осуществлен, зато еще в 1920-1930-е гг. тема экспорта революции в Индию перекочевала в советскую фантастику. «Всем! Всем! Всем! Английские колониальные власти изгнаны из Индии. Русская Красная Армия перешла границы Индии и спешит на помощь повстанцам. Да здравствует всемирная револю-

ция!.. Индусским восстанием руководят 50 тысяч комсомольцев, окончивших в Москве Коммунистический Университет Трудящихся Востока и владеющих всеми языками Индии. Комсомольцы проникли через Хайберский проход... Через неделю над Калькуттой развевались красные знамена... Советский Союз Индии...»

Тогда был особенно модным лозунг о неизбежности мировой революции, ведущий к осчастливливанию народов. И совсем не важно, хотят или не хотят народы этого счастья, за них решит русский пролетариат. Ведь ни для кого не секрет, что некоторые партийные лидеры открыто призывали оказать необходимую, в том числе и военную, помощь не только закабаленной Индии, но и Веймарской республике, другим локальным мятежам, вспыхнувшим вслед Октябрьскому перевороту и не поддержанным теми, ради кого они затевались. Сегодня трудно сказать, что удержало Советскую Россию от посылки в Европу революционных дружин. Может быть, постоянная грызня между большими и маленькими вождями, может быть, наше российское «авось», а может быть, Его Величество Случай. Тот самый Случай, который вернул в казармы казаков Орлова, посланных Павлом в неведомый Афганистан и далее в Индию, который всячески препятствовал совместному восточному походу Наполеона и Александра I, который, в конце концов, не дал воплотиться в жизнь планам Александра II. Самодержцы, облеченные всей полнотой власти, за всю историю развития отношений

с Востоком так и не смогли исполнить завет Петра Великого – прорубить окно через Афганистан в Индию.

Октябрьская революция и установление советской власти в России были восприняты афганским эмиром Хабибуллой-ханом равнодушно. Он не смог сделать для себя никаких реальных выводов из этого, продолжая во всем слушаться английских советников. Партия младоафганцев, решительно настроенная против британского засилия в стране, выдвинув свою освободительную программу, начала подготовку к государственному перевороту, главной целью которого было свержение проанглийского ставленника Хабибуллы-хана. Власть предполагалось передать его третьему сыну, Аманулле.

20 февраля 1919 г., во время нахождения на охоте в своей зимней резиденции – Джеллалабаде, Хабибулла-хан был убит. Сейчас же после получения вести о его смерти в Кабуле было организовано, при благоприятном отношении видных представителей духовенства и матери Амануллы, провозглашение последнего эмиром. Но одновременно с этим и находящийся в Джеллалабаде брат Хабибуллы Насрулла, в свою очередь, провозгласил себя эмиром.

Внутренние проблемы были быстро урегулированы, поскольку перевес был на стороне Амануллы, скоро захватившего в свои руки казначейство и признанного губернаторами Кандагарской, Гератской и Мазари-Шарифской провинций. Войска тоже оказались на его стороне. Этим и была в

дальнейшем решена судьба Насруллы-хана, который был заключен в тюрьму, где вскоре и погиб.

Быстро справившийся с внутренней неурядицей Аманулла-хан провозгласил лозунг борьбы за независимость Афганистана и этим, в конечном счете, отвлек своих внутренних противников от цели захвата престола. Встречая величайшее сочувствие, он начал создавать армию для войны с Англией. Вскоре началась третья англо-афганская война, которая закончилась так же, как и вторая – сепаратным миром. Но, в отличие от предыдущей войны, Афганистан получил право самостоятельно решать все свои внешне- и внутриполитические проблемы.

Видя дальнейшую силу и процветание страны в перспективных и долгосрочных реформах, Аманулла-хан задался целью перестроить страну по-своему. В первую очередь, он создал стройный централизованный аппарат, в котором строго оговаривались функции отдельных ведомств. Затем была проведена реформа по районированию страны на новых началах и созданию новых административных центров в областях. В Кабуле, при центральном правительстве был организован Госсовет в составе 25 человек, а на местах – совещательные собрания. Духовенство было окончательно лишено права распоряжаться вакуфными<sup>1</sup> землями, которые были конфискованы и распроданы правительством. Права

---

<sup>1</sup> *Вакуф* – имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели.

прежних казиев (судей по шариату) были сильно урезаны новыми законами о правосудии путем введения гражданского, уголовного и военно-уголовного кодексов. Были отменены пытки. Среди ряда других мероприятий следует отметить организацию Министерства просвещения и школьной сети по всем городам, учреждение женских школ с привлечением немецких и французских преподавателей, командировку за границу молодежи для получения общего и военного образования, а также создание ряда военных школ по всем трем основным родам войск под руководством турецкого военно-инструкторского состава. Кроме того, была проведена большая работа по формированию новой армии, оснащению ее современным оружием и даже боевыми самолетами.

Планировалось снятие чадры и чалмы, принятие законов о запрещении многоженства и ношении европейской одежды для всех. Однако эти последние реформы, резко затрагивающие быт населения, на Всеафганской джирге в августе 1928 г. были провалены и в дальнейшем послужили главным аргументом в борьбе духовенства против эмира-реформатора.

Анализируя реформаторскую деятельность Амануллы, нельзя не сказать, что в своей основе она подчинена главному – сделать как можно больше прогрессивных преобразований в стране в самые короткие сроки. Казалось бы, при этих условиях в стране должна была создаваться экономическая и политическая стабильность. Однако последующие события

рисуют другую картину. Важным является, прежде всего, то обстоятельство, что основная часть населения Афганистана, почти совершенно не культурная, не могла учесть значение всех этих реформ и оценить деятельность самого Аманулла-хана. К тому же общее положение крестьянства и скотоводов с началом реформ ухудшилось, так как на их плечи легло основное бремя преобразований. Наряду с этим ограничение прав духовенства, финансовый кризис внутри страны, рост дороговизны, усиленные поборы правительственных чиновников, принудительные зачастую бесплатные повинности населения и ряд других вопросов вызвали рост социальных, экономических и политических противоречий.

В условиях внутренней и внешней нестабильности эмир принимает решение совершить кругосветный вояж, главной целью которого являлся подъем собственного престижа, пошатнувшегося в результате реформаторской деятельности. Кроме того, Аманулла-хан хотел получить финансовую и моральную поддержку своему курсу от правительств европейских и азиатских стран.

Возвращаясь немного назад, я бы хотел особо остановиться на советско-афганских отношениях после 1917 г.

Начало полномасштабных отношений между Афганистаном и Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой стало возможным с 1919 г., когда после третьей англо-афганской войны Афганистан приобрел независимость. До этого действовал договор, по которому стра-

на не имела права на самостоятельные внешние сношения. Советское правительство первым признало независимость и суверенитет Афганистана.

14 августа 1920 г. в Кабул был доставлен дар Советского правительства – радиостанция, вместе с которой прибыл специальный технический отряд. Это были первые советские военные специалисты в Афганистане. Вскоре афганское правительство направило 8 человек в Ташкент на курсы связи. Это была первая группа афганских военнослужащих, обучавшихся в Советской России.

В 1924–1925 гг. при помощи СССР была построена телеграфная линия, соединившая Кушку, Герат, Кандагар, Кабул. В первые месяцы 1927 г. началось строительство линии Кабул-Мазари-Шариф. Советские специалисты готовили афганских связистов. Тогда же в Кабул караваном были доставлены три самолета. Афганцам была оказана помощь в подготовке летчиков и эксплуатации авиатехники. Таким образом было положено начало военному сотрудничеству двух стран.

В августе 1926 г. в Пагмане (личной резиденции эмира) был подписан Пакт о ненападении между СССР и Афганистаном.

В мае 1928 г. Аманулла, принявший к тому времени титул падишаха, прибыл в Советский Союз, где был радушно принят Г. Чичериным, М. Калинин и, по непроверенным данным, самим «отцом народов», который заверил эмира-ре-

форматора в том, что деятельность Амануллы-хана встретит в лице Советского правительства всяческую поддержку.

По приезду на родину падишах форсировал свою реформаторскую деятельность, что в конце концов стало последней каплей, переполнившей чашу народного терпения. Осенью 1928 г. в стране вспыхнуло восстание под предводительством разбойника Бачи-и-Сакао. Поддержанные духовенством и знатью, формирования восставших быстро приближались к Кабулу. В январе следующего года ополчение племени мингаль, сражавшееся на подступах к столице, перешло на сторону Бачи, открыв тем самым путь на Кабул.

Видя это, Аманулла отрекся от престола в пользу своего старшего брата и бежал в Кандагар. Однако эмиром стал не Инаятулла, а главарь повстанцев Бача, захвативший столицу.

Узнав о воцарении Хабибуллы (так стал именоваться Бача-и-Сакао), Аманулла выступил из Кандагара во главе 10-тысячного войска, послав одновременно гонцов в Москву.

Получив послание экс-эмира, соратники вождя, по всей видимости, долго не задумываясь (приближался полувековой юбилей Иосифа Сталина), намекнули военным, что неплохо бы было отметить эту знаменательную дату каким-нибудь выдающимся военно-политическим событием. И военная машина, подталкиваемая пропагандистской шумихой, заработала. В газетах появились материалы, повествующие о сложной обстановке на советской южной границе. В некоторых статьях слышались открытые призывы на-

править части РККА в Афганистан, чтобы уничтожить оккупировавшихся там басмачей во главе с Ибрагим-беком. В Туркестанском военном округе, которым командовал тогда легендарный матрос Дыбенко, началось поспешное формирование спецотрядов. Зачем они и где будут использоваться – об этом знали немногие.

*«Наш эскадрон подняли по тревоге ночью, – вспоминал бывший кавалерист РККА В. Т. Поветкин<sup>2</sup>. – Командир эскадрона построил нас на плацу и доложил о сборе по тревоге какому-то неизвестному нам старшему командиру Тот объявил, что Советское правительство и лично товарищ Сталин возложили на нас ответственную боевую задачу – уничтожить афганские формирования, оказывающие помощь басмаческому движению.*

*Нашему эскадрону поручалось переправиться через Амударью и с ходу уничтожить афганский пограничный пост, в дальнейшем продвигаться в направлении на Мазар-и-Шериф. Приказ есть приказ! Всех нас вывели из крепости, где располагалась часть, и приказали снять красноармейское обмундирование. Взамен выдали узбекские чапаны, шаровары и халаты. Кто смог, водрузил на голову чалму. Только оружие свое разрешили оставить. После этого, в предрасветной дымке, мы, стараясь не шуметь, сели в лодку и,*

---

<sup>2</sup> Василий Тихонович Поветкин родился в 1905 г., в семье крестьянина-батрака, в 1927 г. был призван в РККА, проходил службу в 81-м кавалерийском полку 7-й Туркестанской горно-кавалерийской дивизии. Уволен в запас в июне 1929 г. С 1942 по 1944 г. воевал в составе действующей армии.

держа коней в поводу, поплыли к противоположному берегу. Афганцы нас явно не ждали, и потому их наряд на подступах к посту был снят бесшумно. Заминка произошла у ворот, которые никак не поддавались нашему натиску. Услышав шум, на стены небольшой крепости высыпали полусонные пограничники, начали палить во все стороны. Эскадрон отступил, оставив под стенами двух убитых. Отведя коней в укрытие, мы залегли. Видя, что атака захлебнулась, к нам подползли комэск и командир, который ставил задачу. Он что-то гневно выговаривал нашему комэску, после чего тот, став во весь рост, скомандовал: „Эскадрон, в атаку, вперед!“. Взяв винтовки с примкнутыми штыками наперевес, мы дружно кинулись на неприступные стены. Кто-то упал, не добежав до поста, кто-то укрылся под стенами. Без лестниц и артиллерии наши атаки были бессмысленны. Вскоре это, по-видимому, поняли и наши военачальники. В небе появились боевые самолеты и, пройдя на бреющем полете над постом, сбросили вовнутрь несколько бомб. Видя такой поворот событий, афганцы, оставшиеся в живых, на конях прорвали нашу реденькую цепь и ушли вглубь своей территории.

С трудом открыв ворота, мы вошли в пограничную крепость, которая после авиационного налета была наполовину разрушена. Во дворе валялись десятки трупов, слышались крики раненных. Нам было не до них. Комэск приказал похоронить убитых красноармейцев. Сопровождающий нас

уполномоченный добавил, чтобы от могил не оставалось и следа. Каким бы приказ абсурдным ни был, мы должны были его выполнять. Хоронили погибших в этой непонятной войне подальше от сел и дорог. Сколько было этих тайных могил – десятки или сотни, не знаю, обманывать не буду, не считал.

После уничтожения поста наш эскадрон вместе со многими другими довольно-таки разношерстными подразделениями РККА в течение нескольких дней двигался к основной цели похода. Не встретив даже малейшего сопротивления афганцев, мы с ходу захватили провинциальный центр – город Мазар-и-Шериф.

Там нас ждал новый приказ – штурмовать крепость Дейдади, расположенную недалеке от провинциального центра, где, по данным разведки, укрылись мятежники, поддерживающие басмаческое движение на юге СССР.

Непрístupные стены крепости пришлось, как и при нападении на пограничный пост, штурмовать без лестниц и других приспособлений. Солдаты вставали на плечи друг другу и таким образом пытались влезть на вал, предшествующий основным укреплениям. Только когда по дну рва, опоясывающего крепость, потек кровавый ручеек, военачальники, руководившие операцией, вызвали на помощь авиацию...»

Погибающие неизвестно за что красноармейцы даже не догадывались, что вещали в это время «самые демократичные в мире» советские газеты об афганских событиях:

*«Термез, 8 мая (ТАСС). Попытки сторонников Бачи-и-Сакао удержать власть в крепости Дейдади успехом не увенчались. 7 мая крепостной гарнизон и все население крепости признали власть Амануллы...»*  
(Известия. 1929. 10 мая).

*«Ташкент, 14 мая (ТАСС). Прибывшие из Ханабадского района афганские беженцы передают, что в провинции сильно встревожены переворотом в Мазар-и-Шерифе и Дейдади в пользу Амануллы»*  
(Известия. 1929. 15 мая).

В них не было ни слова о тех, кто костями лег у неприступных стен афганской крепости. Словно и не было их там вовсе. (Не в пример свободней была советская пресса 1980-х, где открыто говорилось, что наши солдаты в Афганистане все-таки есть. Правда, почему-то фигурировали в публикациях в основном афганские военные, наши лишь изредка были героями идиллических сюжетов с мест строительства школ, детских садов и других гуманитарных заведений.)

*«После непродолжительного отдыха поступил приказ двигаться в Кабул, через труднодоступный перевал Саланг, – рассказывал Поветкин. – В те времена дорога в столицу была всего-навсего широкой караванной тропой с множеством небольших сторожевых башен, которые приходилось каждый раз брать штурмом. Когда силы войск начали истекать, поступила новая команда – бросать все, с таким трудом захваченные крепости, и возвращаться назад. В*

*Мазар-и-Шерифе нас приветствовал какой-то большой афганский военачальник в форме с золотыми позументами, которого все называли Ваше величество (во всяком случае, об этом говорил нам переводчик-таджик). Поблагодарив войска за помощь, он приказал выдать каждому из нас афганские деньги (серебряные рубленные слитки). Ночью нас вновь подняли по тревоге, и, стараясь производить как можно меньше шума, мы вышли из города и спешно направились к границе.*

*Всех участников боевых действий выстроили на берегу Амударьи, недалеко от Термеза, и зачитали приказ, в котором от имени Советского правительства нам была объявлена благодарность. В заключение большой командир с малиновыми петлицами предупредил всех, что даже под страхом смерти никто из нас не имеет права разглашать военную тайну о нашем походе в Афганистан.*

*Вскоре нам возвратили прежнее обмундирование, а заодно отобрали серебро, выдав взамен по червонцу...»*

Потом, уже много позже, бывший красноармеец Поветкин узнал, что многие из его сослуживцев, те, кто вместе с ним воевал в Афганистане, были репрессированы, большая часть из них расстреляна или не вернулась из ГУЛАГа.

До сегодняшнего дня В. Т. Поветкин не знал, почему им пришлось тайно не только входить, но и выходить из Афганистана. О том, что предшествовало походу, я уже говорил выше. А причина бегства «союзнического войска» стара как

мир – поход экс-эмира был подготовлен из рук вон плохо и, встретившись в начале мая с многочисленными силами Ба-чи, приверженцы Амануллы потерпели тяжкое поражение. Эмир сбежал, покинув Афганистан уже насовсем.

Несколько по-другому описывает эту первую советско-афганскую авантюру один из главных исполнителей сталинских замыслов на Востоке, бывший начальник Восточного сектора советской разведки и ее резидент в Персии и Турции – Георгий Агабеков:

*«По приказу Сталина 800 отобранных красноармейцев-коммунистов, переодетых в афганскую форму, были сконцентрированы на берегу Амударьи под городом Термез и готовились к переправе через реку на афганский берег. Баржи, каюки, моторные лодки со всей реки были пригнаны сюда для переправы войск. Ранним утром эскадрилья из шести самолетов, груженых бомбами, с установленными на них пулеметами поднялась с Термезского аэропорта. Набрал высоту, самолеты направились к противоположному берегу реки, где находился афганский погранпост Патта-Гиссар, охраняемый полусотней солдат. Услышав шум моторов, афганские солдаты высыпали из своих укрытий поглядеть на самолеты, полагая, что они направляются в Кабул. Но они ошиблись. Сделав два круга, самолеты снизились над заставой, и внезапно пулеметный огонь обрушился на афганских солдат. Несколько бомб, сброшенных на глинобитное здание поста, убили одних и похоронили*

*под развалинами остальных. Все это заняло несколько минут.*

*В то же время красноармейский отряд, спокойно погрузившись на лодки и баржи, переправился на афганский берег. Гарнизон другой заставы, Сия-Герта, в сто сабель был полностью уничтожен пулеметным огнем. На следующее утро Красная Армия взяла итурмом и город Мазар-и-Шериф, причем пехота, позабыв, что ей нужно играть роль афганцев, пошла в атаку с традиционным русским „Ура!!!“, а после захвата города на его улицах сплошь и рядом слышался отборный русский мат. Повсюду валялись изуродованные трупы защитников города, около трех тысяч. На следующий день переодетые под афганцев красноармейцы двинулись дальше, пристреливая попадавшихся на пути жителей, чтобы они никому не сообщили о советском вторжении. Сталин надеялся создать просоветское правительство Афганистана из местных экстремистов, а когда это не удалось, отдал приказ красноармейцам возвратиться. Проходя на обратном пути через Мазар-и-Шериф, они прихватили с собой весь каракуль, хранившийся на складах города, – в качестве компенсации за расходы, понесенные Советами на организацию этой экспедиции...».*

Трагична судьба самого Георгия Агабекова. Вот что вспоминал бывший секретарь И. Сталина Б. Бажанов:

*«В 1930 г., вскоре после неудавшегося похода в Афганистан, он переводится резидентом ГПУ*

*в Турцию, на место Блюмкина. В это время он сильно подозревает, что если его вызовут в Москву, то это для того, чтобы расстрелять. К тому же он переживает роман своей жизни: он влюбился в молоденькую, чистенькую англичаночку, которой признается, что он чекист и советский шпион. Англичаночка приходит в ужас и из Турции возвращается в Англию. Агабеков покидает свой чекистский пост и по подложным документам следует за ней. Родители ее сообщают обо всем этом властям, и Агабекову приходится уехать во Францию. Здесь становится очевидным, что он с Советами порвал.*

*По требованию Советов его из Франции выслают (основание есть – он приехал по подложным документам), и ему в конце концов дает убежище Бельгия. Он пишет книгу „ЧК за работой“, которая выходит на русском и французском языках.*

*За Агабековым ведется правильная охота. В 1937 г. во время испанской гражданской войны... его убивают, и труп его, затащенный на испанскую территорию в горы, находят только через несколько месяцев...».*

Рассказывая об этой, мало кому известной афганской экспедиции, я хочу подчеркнуть преемственность экспансионистской политики правительственной верхушки во все времена тоталитаризма.

Сделав поправку на современное оружие и технику, мы получим всем теперь известную картину вторжения 85-тысячной армии в Афганистан накануне Нового, 1979 г.

Мой «Афган» начался ранним осенним утром 1981 г.

# Глава I

Исторически сложилось так, что Дальний Восток вот уже многие века был и остается в России краем малообжитым и беспокойным. Это и понятно, ведь с давних пор богатейшие земли этого региона привлекали к себе внимание неуживчивых соседей. Ачинский городок, Кумарский и Албазинский остроги – все эти героические места овеяны славой русских первопроходцев, беззаветным мужеством и отвагой наших предков, ставших грудью на защиту новых российских границ. Усилием и мужеством десятков и сотен первопроходцев территория Российской империи расширилась до самого Тихого океана. Именно здесь оставили неизгладимый след многие великие путешественники, чьи имена навечно остались на географических картах. Кстати, большинство их имен носят приграничные села: Толбузино, Бекетово, Сгибнево, Бейтоново, Кузнецово Касаткино, Пашково и многие другие. Это и понятно, ведь освоение новых земель велось вниз по Амуру. Там, где когда-то стояли казачьи станицы, сегодня стоят пограничные заставы.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.